

В капкане

Легковая машина двигалась по узкой и пустынной лесной дороге, и Мара с тревогой поглядывала в окно. И не только она. Нервно начал водитель. Несколько минут тому назад он чуть было не съехал в кювет. Но больше всех беспокоился сопровождающий партийные документы сержант НКВД. С неприязнью поглядывал он на Пинхуса, из-за которого они оказались одни среди леса. Машина следовала к эстонской границе, в Валку¹, где уже находилось оставившее Ригу правительство Латвийской ССР, но Пинхусу, а с 1940 года — Петру Михайловичу, ответственному работнику аппарата ЦК, обязательно нужно было заехать в Цесис и взять дополнительную партию бумаг. Только поэтому они отклонились от маршрута и очутились на просёлочной дороге. Пинхус полагался на шофёра, но тот — красноармеец, русский парень, — не знал, как выехать из незнакомого латвийского города. К своему стыду, не знал этого и родившийся в Латвии Пинхус. Правда, оправдание у него было. Подпольщик-коммунист, участник гражданской войны в Испании, до установления советской власти он сидел в застенках латвийской контрразведки, и некогда ему было путешествовать.

Следовало вернуться в горком и уточнить направление, однако Пинхус не хотел терять время и окликнул местного жителя. Последний с готовностью указал дорогу, походившую скорее на лесную просеку, и не было никакой уверенности, что она приведёт их в Валмиеру, через которую лежал путь в Валку. Внезапно машина остановилась. — В чём дело? — резко спросил Пинхус.

— Заблудились, товарищ Цвиллинг. Возвращаться надо, — сказал водитель.

— Он прав, — поддержал водителя сержант, — этот гад нас специально сюда послал. Дальше ехать нельзя.

Пинхус и сам понимал, что водитель прав. Он уже хотел дать команду развернуться, когда на дороге появился крестьянин, рядом с собой кативший велосипед. Увидев машину и военных, крестьянин, коренастый, плотный мужчина лет сорока в вязаной домашней безрукавке, подошёл ближе. — Куда направляетесь, товарищи? — полюбопытствовал он, хотя и с акцентом, по-русски, выражая явное желание помочь.

— Нам в Валмиеру надо, — ответил по-латышски Пинхус. — По этой дороге доберёмся?

— Доберётесь, — заверил крестьянин. — Не смотрите, что это лесная дорога. Километров через пять она в шоссе упрётся. А там, на шоссе, — направо. Да не глядите вы так! Я — Август Муйжниец, секретарь волостного совета. А это, — он показал на подходящего к ним симпатичного светловолосого парня в длинном плаще, — командир истребительного отряда, комсомольский руководитель Зигис.

— А где ваш отряд?

— Да рядом, — улыбнулся Зигис. — Скоро увидите. Мы тут сосредоточились, чтобы лес прочесать. Говорят, бандиты неподалёку. Может, вас проводить? Я дам двух бойцов.

— Места в машине нет. А за предложение — спасибо.

— Ну, тогда — счастливого пути! — продолжая улыбаться, напутствовал Зигис.

Пинхус даже себе не мог объяснить, что ему не понравилось в Зигисе. Потребовать документы? Но парень явно не один. А если это не истребительный отряд, а банда? «Скоро увидите...» Неужели они попали в засаду?

Сделав прощальный жест, Зигис и Муйжниец отошли от машины.

— Разворачивайся! — приказал шофёру Пинхус. — Быстро, как только можешь!

Последние слова были лишними. То, что надо разворачиваться, водитель понял раньше Пинхуса, но времени уже не оставалось.

Раздался свист, и с двух сторон, сзади и спереди автомобиля, на дорогу выскочили те, кого Зигис называл истребителями. Многие из них были в латвийской военной и полицейской форме и в униформе айзсаргов².

Пули, выпущенные из автомата, прошили шофёра, и он упал головой на руль. Хватая левой рукой ппш, а правой открывая дверь, сержант

1. Город на границе Латвии и Эстонии, где в конце июня — начале июля 1941 г. находилось правительство Латвийской ССР.
2. Добровольная военизированная организация в довоенной Латвии.

выкатился наружу и залёг за колесом, стреляя короткими, отрывистыми очередями в подбегающих латышей. С другой стороны стрелял Пинхус. Воспользовавшись тем, что нападавшие тоже залегли, Мара, прикрывая своим телом Розу, сумела выползти из машины и спрятаться вместе с дочкой в придорожном овраге.

Но неравный бой продолжался недолго. Первым погиб сержант. Пинхус понял это, когда позади него прекратилась стрельба. Ему самому оставалось жить несколько минут, и за это время он успел уложить двоих, пока подкравшийся сзади айзсарг не убил его выстрелом в затылок. Мара заставила Розу закрыть глаза, а сама видела всё. Спусти короткое время её и дочь выволокли из оврага. К ним подошёл Зигис. Сняв плащ, командир нападавших остался в латвийском офицерском мундире.

— Какие потери? — спросил он у кого-то.

— Трое убитых, четверо раненых, господин лейтенант!

— Проклятье! А этот, похоже, еврей, — лейтенант пошевелил носком сапога труп Пинхуса и повернул к Маре открытое, совсем не злое лицо. — Ваш муж, — то ли спрашивая, то ли утверждая, произнёс он и картинно добавил: — Мои соболезнования, мадам. Не удалось вам сбежать к вашим русским друзьям.

Мара молчала.

— Сначала мы с тобой позабудемся. Но насилловать будем не тебя, а советскую власть, которую вы, жида, привели к нам в Латвию, — довольный удачным сравнением, Зигис захохотал. — Только я не хочу, чтобы твоя дочь это видела. Лаймонис, позаботься о ребёнке.

Подошедший Лаймонис, не говоря ни слова, оторвал Розу от матери и, проткнув штыком, поднял её над головой. Пройдя несколько шагов и неся девочку на штыке, как знамя, он сбросил её в канаву.

Мара стояла, оцепенев. Она умерла ещё в тот момент, когда убили Пинхуса, но на землю упала лишь тогда, когда лейтенант навалился на неё всем телом, раздирая наглухо застёгнутое летнее пальто. Она не чувствовала боли, у неё больше не было никаких ощущений, и она не отбивалась, потому что ей обязательно нужно было просунуть руку в большой боковой карман. И когда Маре удалось это сделать, она выхватила медицинский стилет, который захватила на всякий случай, забежав в поликлинику перед отъездом, и точным движением профессиональной медсестры — последним в жизни движением — воткнула длинное остриё прямо в печень Зигиса...

.....

3. Орывок из романа-трилогии.

4. Вооружённые отряды советских активистов в Латвии (1940–41 гг.).

Дыхание жизни³

... Но Он сказал мне: пророчествуй дыханию жизни, пророчествуй, сын человеческий, и скажешь дыханию жизни: так говорит Господь Бог: от четырёх ветров приди, дыхание жизни, идохни на убитых этих, и оживут они...

Иез. 37:9

Лейтенант Эрих Ланг продолжал молчать, стоя перед русским офицером и высокомерно на него глядя. Полчаса тому назад его захватили в плен, когда он вёз на мотоцикле важную депешу командир дивизии. Выстрелы из леса были полной неожиданностью на этой дружественной эстонской территории, уже несколько дней тому назад оставленной отходящими советскими войсками. Кто же мог подумать, что какие-то недобитые русские пробираются из окружения? Ну ладно. Он, как истинный германский офицер, настоящий рыцарь, скажет этим неполноценным азиатам, что если они немедленно сложат оружие, то в плену к ним отнесутся гуманно. Только они всё время пытаются у него что-то узнать, а он, даже если бы и понял, что от него хотят, не собирается им отвечать. Пусть недочеловеки видят, как ведёт себя представитель высшей расы.

Капитан Назаров и в самом деле вспотел, пытаясь разговорить немца, чтобы выяснить, где проходит ускользающая, как фантом, линия фронта. Но этот блондин то ли действительно не понимал, то ли намеренно молчал, то ли и то, и другое вместе. Потеряв терпение, капитан посмотрел на сидевшего неподалёку на пне старшего политрука Гущина. В группе, которую Назарову удалось сколотить из отступавших и попавших в окружение красноармейцев, Гущин был равен капитану по званию.

— Ну что с ним делать, политрук? Кто-нибудь знает немецкий? Может, еврей какой-нибудь есть? У них, говорят, языки похожи.

— Был тут у меня один, — отозвался Гущин, — Смоленский Яков. Так его уже дня два как убило. Слушай, капитан, — старший политрук даже привстал со своего замшелого пня, — идея! Спрошу у латышей. У них-то наверняка кто-нибудь есть.

Отряд Рабочей гвардии⁴ из Риги недавно присоединился к группе Назарова, и его командир Юрис Вецгайлис как раз в эту минуту разговаривал, сидя на рухнувшем дереве, с каким-то рыжеватым парнем, который (Гущин успел это заметить раньше) неотлучно находился при нём. — Товарищ... — подойдя к Юрису, политрук обнаружил, что забыл, как зовут командира латышей.

— Вецгайлис. Юрис Вецгайлис, товарищ старший политрук, — с акцентом ответил по-русски Юрис. — Товарищ Юрис, — короткое имя легче было произнести, чем длинную непривычную фамилию, — кто у вас в отряде знает немецкий?

— Есть пара ребят,— вскочил на ноги Юрис,— должны понимать.

То, что эти ребята—евреи, командир отряда не стал уточнять.

— Сейчас Михаэль позовёт кого-нибудь,— добавил он, не отдавая себе отчёта, что посылает за евреями другого еврея.

Но звать никого не пришлось, потому что сидевший рядом с ним юноша сказал на чистом русском языке:

— Я свободно говорю по-немецки.

Если политрук и был удивлён, то ещё больше удивился Юрис: Михаэль свободно говорит по-немецки? И русский без акцента? Вот так новость! А Михаэль тоже хорош—ничего ему не сказал! И получается, что Юрис плохо знает своих подчинённых. Придётся сделать парню внушение.

— Отлично,— одобрил политрук и кивнул Михаэлю:— Пойдём.

Но Эрих Ланг, даже услышав родной язык, ни за что не хотел отвечать на вопросы. Зато произнёс какую-то длинную фразу, которую Михаэль почему-то не стал переводить, и это не укрылось от Гущина.

— Что он говорит?

— Он предлагает нам сдаться и обещает хорошие условия в плену, если солдаты перебыют коммунистов и евреев.

— Что?!— капитан Назаров выругался так сочно и замысловато, что Михаэль, никогда не слышавший раньше таких ругательств, недоуменно на него посмотрел.

А немец, видно, не веря, что его могут расстрелять, стал быстро что-то говорить.

— Он говорит,— начал переводить Михаэль,— что они уже захватили больше половины Эстонии и скоро возьмут Таллин. А на востоке их войска заняли Псков и подходят к Ленинграду. Ещё он говорит, что в их руках почти вся Белоруссия, а на Украине немецкие армии выходят к Днепру. Поэтому сопротивляться бессмысленно.

— Вот его карта,— сказал старший политрук,— пусть покажет наше местонахождение. Будем пробиваться к северу. Там должны быть наши. Ты карту читаешь?—неожиданно спросил он у Михаэля.

— Да.

— А языки откуда знаешь?

— В гимназии были два языка: немецкий и русский. И дома с отцом мы говорили по-немецки, а с мамой—иногда по-русски. Мой отец—врач, учился в Германии,— продолжал отвечать Михаэль, всё ещё не подозревая, что у политрука есть что-то своё на уме и он не зря задаёт вопросы.

— Вот как? А документы у тебя есть?

Михаэль вытащил латвийский паспорт.

Гущин повертел документ, глядявываясь в незнакомые буквы.

— А советский паспорт где?

— Не успел получить. Война началась.

— И что здесь написано?

— Гольдштейн Мозус. Родился...

— Что ещё за Мозус? Ты же Михаэль, по-нашему—Миша. Я сам слышал.

— Ну, вообще-то я Моисей, по-еврейски Мойше. Вот латыши и записали, как у них принято: Мозус.

— Та-а-ак,— протянул старший политрук,— ну хорошо, можешь пока идти,— и многозначительно добавил:— Мозус.

Наутро отряд Назарова двинулся на север. Получив от Юриса выговор, Михаэль шагал рядом с ним. Тревога не покидала его. Что-то не понравилось политруку то ли в нём, то ли в его документах, и когда они выйдут из окружения—придётся давать объяснения. Только этого не хватало. Он уже слышал кое-что о том, что происходит в особых отделах НКВД, и меньше всего ему хотелось туда попасть.

А пока Михаэль старался думать о другом. Если немцы повсюду наступают—что же будет дальше? За две недели он уже начал привыкать к войне, но свой первый бой в Задвинье⁵, где они вместе с красноармейцами защищали подходы к Рижскому мосту, будет помнить всегда. В отряде Юриса было несколько еврейских ребят, и среди них—университетский друг Михаэля, студент-медик Моня Губельман. В отличие от приятеля-спортсмена, Моня был тщедушным очкариком, классическим примером слабенького еврейчика и всё же пошёл в Рабочую гвардию. Его-то и убило на глазах у Михаэля, когда отряд уже вступил на мост, чтобы переправиться на правый берег. Они еле успели тогда. Вслед за ними на мост ворвались немцы, пытаясь прорваться к центру, но их удалось отогнать. Два дня шло сражение, и только поздно вечером тридцатого июня отряд ушёл из города, присоединившись к отставшей воинской части и вместе с нею попав в окружение. Но им удалось пробиться к Валке, где никого из советского руководства уже не осталось, и так они оказались в Эстонии. А потом в лесу встретили группу Назарова.

Вернётся ли он когда-нибудь в Ригу? А семья? Папа, всегда любивший демонстрировать уверенность, в тот последний вечер, когда Михаэль успел заскочить домой, был удручён и подавлен. Эвакуация сорвалась, они не проехали и полдороги. Ещё хуже выглядела мама. Она совсем обессилела и молча припала к сыну. Ничего не говорила, только гладила, как маленького. А сестрёнка повисла на нём, и нужны были общие усилия отца и матери, чтобы оторвать её от брата.словно они расставались навсегда. Проклятье! Что за мысли у него в голове! Ничего, раньше или позже немцев погонят.....

5. Левобережная часть Риги.

обратно, и он обязательно увидит родных! Сказал же кто-то, что русские долго раскачиваются, но, раскочавшись, бьют наповал.

Окрик Юриса прервал его мысли:

— Спишь на ходу?! По сторонам смотри! Не забывай, что «кайтсели»⁶ в лесу. В любую минуту могут из-за дерева выскочить.

Но эстонцы не появлялись. Возможно, боялись нападать на достаточно большую и вооружённую группу. Зато позади, со стороны дороги, послышался шум моторов и гортанная, лающая речь. Судя по всему, немцев было много, и прибыли они сюда не случайно. Ещё можно было ускорить движение и попробовать оторваться, но неожиданно шум и звуки команд раздались впереди, а в лесу, совсем недалеко, в двухстах-трёхстах метрах от них, зашевелились кусты. Было совершенно ясно, что отряд обнаружен и окружён, и его уничтожение — только вопрос времени. Старший политрук Гуцин посмотрел на капитана:

— Прикажи занять оборону, командир!

— Если зальжем — тут нас всех и перебьют, — отозвался Назаров. — Там, в кустах, наверняка эстонцы. Это слабое звено, будем прорываться через них в глубь леса.

Капитан посмотрел в сторону Юриса, явно собираясь что-то сказать, но, как видно, передумав, подозвал высокого старшину:

— Возьми всех, у кого автоматы, старшина! Будете прикрывать! Остальные — за мной!

Михаэль бежал вместе с другими, стараясь не отставать от Юриса. Раздались выстрелы из леса, но они почему-то запоздали, и находившиеся в кустах «кайтсели» были смяты. Оставшиеся эстонцы рассыпались по сторонам, стреляя справа и слева, но для бойцов Назарова главным была быстрота. Казалось, что план командира удался, и только стрельба, нараставшая за спиной у бегущих, говорила о том, насколько мало у них шансов затеряться в лесу. Михаэль тоже понимал, что их догоняют и что за кайтселийтовцами следуют немцы. У него было такое ощущение, что кто-то набросил на них огромную петлю и теперь затягивает узел. А тут ещё заклинило затвор. У Михаэля была старая русская трёхлинейка, и после нескольких неудачных попыток перезарядить винтовку он в отчаянии швырнул её на землю. Оглянувшись назад, Михаэль увидел подбегавшего к нему «кайтселя». Тот целился на ходу, и, если бы его не остановил чей-то выстрел, эстонец расстрелял бы Михаэля в упор. Подобрал оружие убитого, Михаэль побежал дальше, так и не придя в себя от

испытанного ужаса и не понимая, что случилось и каким образом он остался жив, — ведь кругом никого из своих уже не было. Пока он возился с затвором, другие опередили его. Михаэль готов был поверить в чудо, когда внезапно ощутил, что он не один и кто-то находится рядом. Боясь повернуть голову, он, не оглядываясь, бежал вперёд и, только догнав остальных, посмотрел назад и увидел переводящего дух Юриса. Значит, Юрис был рядом! И убил «кайтселя» тоже он? Но выяснить было некогда, да и мрачный взгляд Юриса не располагал к вопросам. Стрельба нарастала, она звучала со всех сторон, и если бы Михаэль был опытным солдатом, он бы догадался, что идёт встречный бой, что с той стороны, куда стремились окружённые, кто-то прорывается к ним навстречу. Так оно и было. За деревьями замелькали чёрные бушлаты и тельняшки, послышались крики: «Полундра!» — но что означает эта загадочная «полундра», Михаэль не знал. Контрнаступление снятых с кораблей балтийских моряков по счастливой случайности совпало с прорывом назаровской группы, только сам Назаров порадоваться этому не успел. Пуля, попавшая в голову, настигла капитана ещё до того, как бойцы его отряда начали обниматься с матросами.

Спустя час Михаэль сидел, прислонившись к дереву, не в силах поверить, что всё закончилось и он остался жив. Его глаза слипались, и мысли путались, когда опустившаяся на плечо тяжёлая рука придавила его к земле, а над головой прозвучал ничего хорошего не предвещавший голос Юриса: — Ты почему винтовку бросил?

— Затвор заело.

Только сейчас Михаэль вспомнил, что на привале Юрис всем велел смазать оружие, а он забыл. — За брошенное оружие — расстрел. Ты это понимаешь?

— Я винтовку у эстонца убитого взял. От моей всё равно никакого толку не было.

— У эстонца взял?! — повысил голос Юрис. — От винтовки толку не было?! А если бы меня там не было?! А если бы я промазал?! Прикладом орудуешь, штыком, да хоть палкой, а оружие не бросай! Почему не смазал затвор?! Ведь я напомнил всем! — Пошёл допрашивать немца. А потом...

— Что потом?! Что потом, чангал?!⁷

— Забыл, — еле слышно сказал Михаэль.

— Поэтому, — чуть мягче сказал Юрис, — давай разбирай винтовку! Это тебе не звёздс считай! — Не могу, Юрис! Глаза закрываются. Дай часик поспать.

— Темно будет через часик. Давай-давай, приступай! В этот раз я рядом с тобой оказался, а что будет в следующий?

Пытавшийся задремать под соседним деревом старший политрук Гуцин заинтересованно повернул к ним голову, но, услышав латышскую

6. «Кайтселийт» — добровольное военизированное ополчение в довоенной Эстонии. Аналог финского «шюцкора».

7. В латышском сленге — обозначение латгальцев; в переносном смысле — синоним недалёкого и упрямого человека.

речь, отвернулся и снова прикрыл глаза. Только сон не шёл. Из головы не выходил капитан Назаров, с которым Гуцин успел сдружиться, а кроме того, перед политруком стояла дилемма. Гуцин понимал, что этот Михаэль-Мозус, он же Мойше, никак не может быть немецким шпионом, но инструкция есть инструкция, и он, Гуцин, как офицер и политработник, должен немедленно сообщить обо всём, что вызывает подозрения. Иначе самому несдобровать. И всё-таки жалко мальчишку. Арестуют, начнут допрашивать, а что такое допросы в НКВД, старший политрук знал. Перед войной, когда их корпус стоял на Немане, его самого таскали из-за того, что в частном разговоре он назвал подозрительной возню по ту сторону границы. И если бы не двадцать второе июня, валить бы ему сейчас лес где-нибудь на Печоре.

Так что же всё-таки делать? Завтра утром остатки их группы будут фильтровать, особист должен приехать, и если он не напишет докладную... Нет, надо писать, только ни о каких шпионах не упоминать. Просто написать, что хорошо бы на всякий случай проверить парня.

Но особист почему-то не приехал, и «фильтровать» уцелевших бойцов Назарова никто не стал. В тот момент было не до них. Чтобы остановить гитлеровцев, командующий 8-й советской армией ввёл в сражение резерв—морскую пехоту. Краснофлотцы отбросили врага, но долго удерживать фронт не могли. Избегая окружения, моряки отходили к Таллину, и уже оттуда Гуцин послал докладную записку в Особый отдел Балтийского флота, где она затерялась на некоторое время среди многочисленных бумаг.